

— Это не твоё дело, уходи! — Е Тао впустил двух телохранителей в комнату и закрыл дверь перед Ци Хэ.

Оба мужчины в комнате были в ярости, и даже опытные телохранители с трудом их разняли, каждый удерживая одного из них.

Чжоу Цзыцянь пытался вырваться, приказывая телохранителям отпустить его, Ло Дун делал то же самое, но их взгляды были устремлены друг на друга, полные негодования.

— Кто ещё попробует устроить беспорядок, тот пожалеет! — Редко злившийся Е Тао был настолько рассержен, что его лицо посинело. — Янцзы, свяжи второго молодого господина и выбрось его на крышу, чтобы он одумался!

Затем он бросил взгляд на Ло Дуна:

— Если ты ещё раз устроишь сцену, с тобой поступят так же!

Ло Дун, который уже собирался саркастически ответить, запнулся и усмехнулся:

— Ладно, ладно, больше не будем.

Чжоу Цзыцянь бросил на него злобный взгляд и сказал телохранителю, который его удерживал:

— Отпусти.

После этого выговора оба вернули себе здравый смысл, хотя их лица всё ещё были мрачными, они больше не собирались драться.

Е Тао отпустил телохранителей и сел, держась за повреждённую руку. Заметив дрожащего в углу Баобао, он позвал:

— Иди сюда.

Баобао осторожно посмотрел на Ло Дуна, затем на своего дядю и, робко подойдя, сел у ног Е Тао, словно нашёл опору, и его сердце успокоилось.

— Вы что, считаете себя мальчишками в переходном возрасте? — Е Тао обратился к Чжоу Цзыцяню, который молча сжал губы. Затем он повернулся к Ло Дуну. — Уличными хулиганами?

Ло Дун, потирая лицо, молчал. Е Тао с досадой вздохнул:

— Вам уже за тридцать, разве это красиво — драться? Я не понимаю, как вы потом будете смотреть людям в глаза.

— Это всё из-за тебя, — Ло Дун, задетый за живое, не удержался и ответил.

Чжоу Цзыцянь, не желая, чтобы Е Тао ещё больше разозлился, сдержал слова: «Не веди себя как бешеная собака».

— Да, это из-за меня, — Е Тао признал, что Ло Дун был прав. — Дунцзы, не буду говорить лишнего, но не вмешивайся в это дело. Когда я разберусь, мы снова встретимся. Чжоу Цзыцянь, подумай хорошенько, чем я могу расплатиться за свой долг. Если ничего не

получится, я отдам тебе свою жизнь. Скажу то, что тебе не понравится: жить в теле Юньси — это мука. Постоянные бедствия и болезни, вечные лекарства, каждый день жизни — это страдание. Лучше умереть и обрести покой.

Ло Дун так и не смог забрать Е Тао. Перед отъездом он предупредил Чжоу Цзыцяня, чтобы тот больше не трогал Е Тао, иначе, даже если он потеряет всё своё достоинство и станет посмешищем для всей столицы, он не оставит его в покое.

Чжоу Цзыцянь знал, что Ло Дун не бросает слов на ветер. Если бы Ло Дун действительно решил ему отомстить, ни ему, ни Гуаньюю не было бы легко. Но он ничего не боялся, потому что, даже если бы Ло Дун не предупреждал его, он больше не стал бы причинять боль Е Тао. Видеть, как Е Тао страдает, было для него хуже, чем терпеть боль самому.

После этой сцены Е Тао стал ещё более слабым и сонным. Он принял успокоительное и лёг спать. Из-за болезней его сон был беспокойным, он просыпался несколько раз в полусне, чувствуя, что кто-то рядом, но не имея сил понять, кто это. Только когда луна скрылась и начался рассвет, он окончательно проснулся, почувствовав необычное ощущение у ног.

Чжоу Цзыцянь сидел у изножья кровати, держа в руках холодные ступни Е Тао, согревая их. Ранний рассветный свет не проникал через занавески, и в комнате было темно. Е Тао не мог разглядеть выражение лица Чжоу Цзыцяня, и тот не заметил, что Е Тао проснулся. Он просто сидел, держа его ноги, передавая своё тепло.

Раньше Чжоу Цзыцянь удивлялся, что он может испытывать влечение к племяннику, которого сам вырастил, и одновременно испытывал стыд. Когда он узнал, что человек, который вызывал у него чувства, не был его племянником, груз моральных запретов исчез, и он понял, что его чувства к Е Тао были сильнее, чем он думал, и достигли уровня, который можно назвать любовью.

Чжоу Цзыцянь был очень скуп в проявлении чувств. Прошлый опыт научил его, что любые чувства делают человека слабым и глупым, и среди всех чувств любовь была самой ненужной и самой опасной. Он видел, как умные люди становились глупыми из-за любви, видел, как добрые и великодушные люди становились ревнивыми и мелочными. Он не хотел становиться таким, поэтому в том возрасте, когда люди обычно влюбляются, он холодно наблюдал за теми, кто проявлял свои чувства, даже если их любовь была искренней. Но Е Тао заставил его незаметно влюбиться, заставил его отдать те чувства, которые он никогда не хотел никому отдавать.

— Почему ты ещё не спишь? — Е Тао вытащил свои ноги и, опираясь на одну руку, сел.

— Не могу уснуть, — Чжоу Цзыцянь включил настольную лампу и, привычно и естественно, накинул на Е Тао халат, подложил под спину мягкую подушку и, устроив всё как следует, сел.

— Прости, что без твоего разрешения позвал Ло Дуна, из-за этого столько беспорядка.

— Рано или поздно он бы пришёл сам. Я просто не понимаю, если ты не хотел уйти, зачем ты его позвал? Неужели для того, чтобы он отомстил за тебя? — Чжоу Цзыцянь не удержался и усмехнулся. — Тогда ты должен был предупредить его взять с собой больше людей, ведь приходиться одному за мстью — это глупо.

— Ты думаешь, что сегодня ты вёл себя умно?

— Люди иногда делают глупости, это естественно. — Чжоу Цзыцянь потрогал уголок рта и с

горечью подумал: если бы не ты, разве я бы сделал такую глупость?

— Поздравляю, ты наконец научился быть снисходительным к себе.

— Быть к себе добрее — это то, чему ты меня научил.

— В качестве награды, можем ли мы спокойно поговорить?

— Разве мы уже не говорим? — Чжоу Цзыцянь снова стал серьёзным. — Я забираю свои слова назад. Ты мне ничего не должен, и Юньси ты тоже ничего не должен. Твоя жизнь дана тебе небом, я сказал то, что сказал, только потому, что не хотел, чтобы ты ушёл, но не имел права тебя удерживать.

Е Тао не ожидал таких слов и не знал, что ответить.

— С другой стороны, я должен поблагодарить тебя. Ты дал мне два года жизни с Юньси и многое, чего я не испытывал, пока Юньси был жив. Даже если ты теперь хочешь уйти, ты не оставил всё как есть. — Некоторые вещи, если посмотреть с другой стороны, открывают много нового. Например, за обманом скрываются доброта, справедливость и необходимость. Чжоу Цзыцянь знал, что Е Тао был хорошим человеком, его доброта и благородство были недостижимы для человека, выросшего в мире интриг.

— Благодарность мне не нужна. Даже если это было предначертано судьбой, я обязан семье Чжоу за то, что выжил. Если бы я ушёл, оставив вам беспорядок, разве это было бы по-человечески?

— Другие, возможно, не подумали бы так.

— Каждый видит то, что хочет видеть. Если бы это был Сяо Чэн, он бы не скрывал это два года. Если бы это был Ци Хэ, он бы скрывал это как можно дольше, пока не получил бы наследство Юньси или пока его не разоблачили.

— Мне неинтересно, что они думают. Я хочу знать, что думаешь ты. Почему ты хочешь уйти? Разве быть молодым господином, живущим в достатке, — это плохо?

— С моим здоровьем дожить до пятидесяти — это уже удача. За эти двадцать-тридцать лет я не хочу тратить их на обман и притворство, живя чужой жизнью. Тогда зачем мне вообще жить?

— Теперь тебе не нужно так уставать. Остайся, и я решу все остальные проблемы.

Е Тао, слыша этот повторяющийся разговор, не мог не рассмеяться:

— Я не подросток, чтобы верить поверхностным словам. Я не стану наивно думать, что всё так просто, как ты говоришь.

Чжоу Цзыцянь, понимая, что его слова были слишком прямолинейными, смутился:

— Я имел в виду, что сейчас...

Я не знаю, что сказать о дяде и Дунцзы, мне за них стыдно.